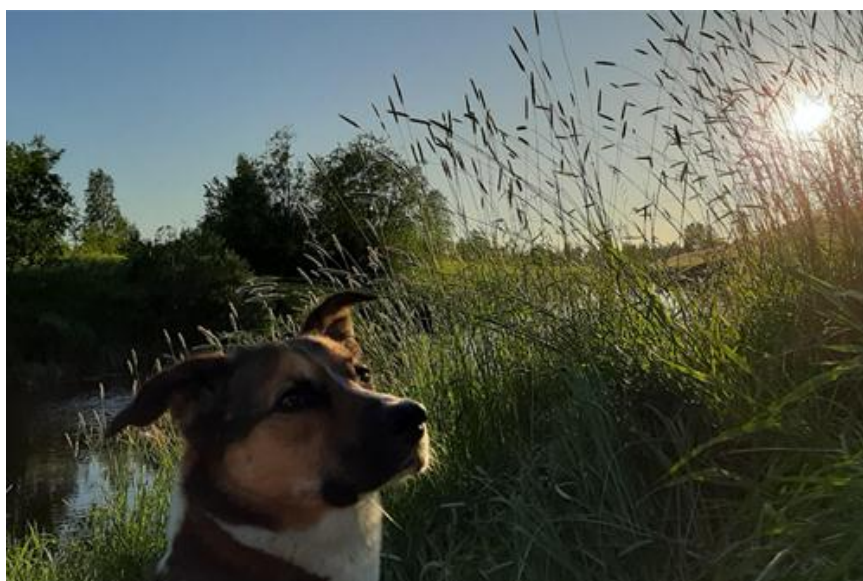

Посвящаю эту поэму моей Любимой, нашему Воздушному Замку и нашему другу Пафосу (Пафнутию Метису), – без непосредственного, доброго и деятельного вмешательства которого в мою жизнь, моя поэма родилась бы ностальгическим уродцем, без веры в человека и его будущее. Внешние обстоятельства способствовали – изо всех своих объективных и неоспоримых сил – таким настроениям души и подталкивали её именно к такому исходу. Если поэме суждена когда-нибудь встреча с читателем, то я надеюсь, что он сможет принять её ритмы и услышать в них ту весёлую, но непреклонную жизненную силу, которую вдохнул в эти стихи наш бессловесный, неразумный и верный друг. Своё вступительное слово хочу закончить последней строчкой из зарисовки 1989 года моего старинного зазеркального героя, Славы Сумалётова. Эта зарисовка называется «Собачий подвиг» и заканчивается словами: «Собака верила в людей...»

Ярослав Таран, 5 сентября 2020 г.

На берегу

поэма собаки

И мы вместе придём, нас нельзя разлучить!

А. Фет

Начитавшись Фета, сижу на берегу
реки просёлочной с моей собакой,
другом дорогим. Дождик набежал; но вскоре
река, перебурлив, из буро-серой
обратилась взору небесной глубины –
её земным текучим отраженьем.
Солнца луч играет в зелёно-синих водах
с деревьями прибрежными, кустами,
камышами...

Облачные кружева стихов
тебя находят сами, душу оклика
по имени; без слов, на время растворившись
в заводах памяти белыми строфами...

Дымок далёкий. Его запах древний...
Как тут не позвонить тебе? Не рассказать
о том, что вот сидим на берегу мы,
помятая Фета; что дождь уже прошёл,
и так нам хорошо втроём на свете!

Как не спросить тебя: а что там в Замке
нашем приключилось, Воздушном, без меня?..

Как тут не выпить водочки и, закурив,
не рассуждать о времени протоках,
в которых мы, встречаясь, продолжаем жизнь...

Назад тому уж четверть века будет,
как я впервые сердцем испытал

смирение

животное...

Само же *слово* пришло потом.
Тогда я думал: *это* было счастье,
гармония, покой...

Не так давно нам
чудом показалась бы возможность
из лесу говорить по телефону
или
построить наяву Воздушный Замок,
где люди смогут узнавать друг друга
и слова событиями быть.

Тогда иначе чувствовались письма:
на бумаге
выведенных слов рукой любимой
ты, перечитывая, долго-долго ждёшь...

Другое время, нет ему возврата.

Миша Воротков в лес позвал меня с собою.
В лесу же мало кто угнаться мог за мной,
а молодость самоуверенна. (Быть может,
то была проверка? Ни до, ни после – мы в лес

с ним больше не ходили.)

Я ребёнком
на полпути почувствовал себя;
а через двадцать километров по болоту,
не знаю, чувствовал ли что я, кроме
желания рюкзак оставить, прекратить движение.

Не помню, как остановились мы;
как Миша разбивал палатку, разводил костёр;
как мы поужинали, как он спать ушёл.
В памяти угла
не нашлось для тех деталей.

Зато часы ночные у костра, в уединенье
мною пережитые тогда, навечно стали
родником,
радостью исполненным,
к которому годами возвращаюсь я,
перебирая
его прозрачные живительные струны.

В тончайших переливах сохранила память
ту ночь. Тяжёлых сосен строй на берегу
болота. Тени,
танцующие в сполохах огня. Луна,
плывущая над кронами, и звёзды –
в тёмном океане...

Всё это внешнее.
Одежды красоты мы можем описать, найдя
чудесные и точные сравнения, – звуками,
полутонами слов. Сама же красота
была во мне, как и вовне, едина.
Тысячами форм –
вмиг вбирая сосны в свой
великий танец –
ты вся струилась сквозь меня.

Крайняя усталость речь разума глушила.
Так без сна, в изнеможении встретил я рассвет.
Обратный путь мне дался легче. (Или
Воротков взял дорогу ближе?)

Говорили
мы много о шумах, о случае...
А впрочем,
разговоры о козыревском времени

вносили строй извечно в наши встречи;
увы, нечастые всё больше...

Смысл один
шёл дорогой в Замок; но я во сне её лишь знал:
десяток с лишним лет лежал тогда меж нами.

Я что-то рассказал о пережитом ночью,
назвав её и встречу с ней «гармонией»...

А Миша, над ручьём склонившийся (вот эту
я часть пути домой отчётливее помню),
с причудливо взъерошенной коряги – мне
ответил так:

«Загнать себя необходимо,
чтобы стать в лесу – как животное, усталость
звериную принять всем существом своим,
телом и душой всю тяжесть борьбы за жизнь их
прочувствовать – тогда откроется...»

Нередко
ту же аритмию телесной и душевной сути
в себе ловил я после этого похода:
намучавшись с горбатым рюкзаком, с корзиной,
целую грибов, посреди болота лечь на кочку
и смотреть на небо...

Во мне подобное единство
приоткрывалось мирочувствию не раз.

Вполне ж
я смог его познать лишь в деревенской бане,
через десять лет.

Напарившись до умопомрачения,
водой холодной облиться или
окупнуться в снег...

На крыльце присесть – и яблони,
берёзы, звёзды, дым, Венера, тишь, парящая
над крышею Луна – все сквозь тебя они текут,
твоё тебе почти не служит тело...

Вот и слово
пришло теперь – *смирение*.

И не природа
протекает – через – тебя, но «я» быть центром
перестало – и в общем танце позабыв себя,
нашло своё и место и признание.

Трещат в печи поленья –
а разум не трещит...

В свой адрес мечет стрелы
он позже,
но не в силах себя он изменить:
ему молчанье в тягость...

Разум,
не принуждённый к мирной тишине *на равных*,
себя лишь слышит и разрозненные звуки
в живом многоголосье хора.

Разлагая
всё сущее на части, ум наш, из единого
потока выпавший, в тоске бессмертной множит
им создаваемые средства связи.

Мы не можем
уже представить быт без интернета, телефонов,
как не могли жить древние без храмов и мистерий.

Но чем доступнее нам способ обменяться словом,
тем власть его слабей и жизнь короче.

Вширь
разлившийся поток письма мельчает.

От невозможности себя раздать
талант сжимается, дичает – и судьба
чудовищно петляет, словно та коряга,
с которой, над ручьём лесным склоняясь,
меня учил смирению без страха и упрёка
Воротков.

Да, в испытании на лёгкость форм и слов есть благо –
призыв к труду и одиночеству без mzды и права
на надежду: *племя младое, незнакомое*
о нас вспомянет...

Нет.

И как читать в смартфоне Фета?

А главное – зачем?

Зачем изнемогать тебе
в классических размерах – исчерпав запас и сил,
и знаний, чтобы выйти *вдруг* на ритм другой,
неявный и неброский – твой, единственный...
Не проще ли строчить по первому лекалу
или вкривь и вкось,

как деревья в лесу растут?

Деревья – так, но лес живёт иначе! Чтобы
его увидеть, труд преподнести лесному духу
должно прежде в дар.

Вот поэма, в летний вечер
она на берегу сложилась вмиг, но сколько
долгих лет вросли –

корневищами своими –
в состав текущий сей...

Техническим созданием
долю человека урезать не под силу,
видит Бог!

Облегченье ноши – вот разума фетиш!
Завет пути, что мы зовём «прогрессом».
Человека он отличает от собаки
и Бога.

На Земле ж нет груза злее,
чем *предательство*;
изощрённой схем, хитрей,
чем строит разум – в жажде груз тот страшный
скинуть с плеч бескрылых...

Душа же, лишь встречаясь
с тем существом, в котором *изначально*
места нет предательству, –
свободу полную
вкушает –

ничего на свете ей не страшно!
Она чиста.

И память прошлой боли меркнет
в заводях глаз твоих, грустных и дружеских...

Будьте как дети! Бог не предатель.
Разум безбожен. Творец аморален:
Ему костыли не нужны.

И люди не звери – не стали богами,
но верят они в облегчение ноши...
Разум им в помощь!

Предательство в быту такая ж неизбежность,
как на войне убийство. А комфорт, успех –
двуликий идол полых дней – плодит предателей
функциональнее страстей былых времён...

Со мною рядом ты, мой бессловесный друг –
поэма родилась на берегу
речушки Тосна. Вечереет. Нам пора домой.
Шесть километров нам идти сквозь лес...

Но как же ошибается, кто ищет в вечность
путей, проторенных другими! Мы
отравлены дыханьем века своего –
надлежит весь путь его нам пройти до края
топкого болота – там сможем о душе вздохнуть
в изнеможении...

Не потому ли алкоголь
душе так сладок, что дарует ей минуты,
свободные от разума? За лёгкость
достиженья цели платить приходится
обратным восхождением?..

Отсветы ответов
в речушке каждой и в очах собаки – там,
где любим мы друг друга,
помним Фета...

Почему же не позвонить тебе опять?
Не рассказать,
что лето здесь особенное с нами?.. Вот
и сосна лежит.

август 2020